Литература

1. *Барт, Р.* Фрагменты речи Влюбленного / Р. Барт. – М., 1999.

2. *Бердяев, Н.А.* Размышления об Эросе. Самопознание. / Н.А. Бердяев. – М., 1991.

3. *Зайцева, Ю.* Принцип зеркала в художественной системе В. Набокова / Ю. Зайцева // URL: http://www.dissland.com/catalog/motiv_zerkala_v_hudozhestvennoy_sisteme_v_nabokova_na_materiale_russkoy_prozi.html (дата обращения 25.03.2009).

4. *Набоков, В.В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. / В.В. Набоков. – СПб., 2000. – Т. 4.

5. Набоков о Набокове и прочем / под ред. Н. Мельникова. – М., 2002.

6. *Савченкова, Н.М.* Альтернативные стили чувственности: идиосинкразия и катастрофа / Н.М. Савченкова. – СПб., 2004.

7. *Шраер, А.* Сексография Набокова / А. Шраер // URL:http://www.commentmag.ru/archive/18/17.htm (дата обращения 20.03.2009).

8. *Шульман, М.Ю.* Набоков, писатель: Манифест / М.Ю. Шульман. – М., 1998.

УДК 808.53

***С.А. Громыко***

# РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В РУССКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИСКУССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

***Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант МК – 458.2011.6)***

В статье рассматривается речь в российских парламентах начала XX в. как объект лингвистического исследования. Описываются особенности речевой дискредитации в русской парламентской дискуссии указанного периода. В качестве основных тактик, которые реализуют данную речевую стратегию, рассматриваются речевые тактики развенчания обмана, обвинения, издевки над политическим оппонентом.

Политическая риторика, парламентская речь, дискуссия, дебаты, речевые стратегии, речевые тактики.

The article considers speech in Russian parliaments at the beginning of the XX-th century as an object of linguistic research. The features of speech discredit in Russian parliamentary debates of the period are described. Speech tactics of exposure of deception, accusation, mocking the political opponent are considered to be the main tactics that implement this speech strategy.

Political rhetoric, parliamentary speech, discussion, debates, speech strategies, speech tactics.

В последние годы в отечественном и зарубежном языкознании возрос интерес к интенциональному аспекту речевой деятельности. Сегодня появляется все больше работ, направленных на исследование соответствия целевых установок текста их реализации при помощи языковых средств, механизмам воздействия говорящего или пишущего на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата. В основе подобных исследований лежат такие понятия, как: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, речевая стратегия, речевая тактика, коммуникативный ход, языковой маркер и т.д. Все эти понятия используются для описания способов и средств речевого взаимодействия коммуникантов в диалоге.

С точки зрения дескриптивного подхода, то есть анализа не дискурса, а конкретных текстов как артефактов, актуальны понятия речевой стратегии и речевой тактики, отношения между которыми также трактуются как род и вид либо как отношения части и целого. «Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели… В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [3, с. 54]. В то же время «…речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [3, с. 110].

Исследование речевых стратегий и тактик, отразившихся в речах депутатов дореволюционной Государственной думы, представляется актуальным по нескольким причинам. Во-первых, анализ речевых стратегий и тактик данных текстов позволяет выявить интенциональные основы русского политического (в частности, парламентского) красноречия начала XX в., что дает новую важную информацию о развитии русской риторики рассматриваемого периода. Во-вторых, выявление наиболее и наименее распространенных речевых стратегий и тактик дает информацию об эффективности / неэффективности, принятии / непринятии, допустимости / недопустимости определенных моделей речевого поведения в публичном политическом выступлении начала XX в., что напрямую связано с феноменом речевой рефлексии. С этой точки зрения заслуживает особого внимания и специфика реализации тех или иных речевых стратегий и тактик в думской дискуссии начала прошлого века. Кроме того, подобный анализ интересен тем, что основные речевые стратегии и тактики исследуемых текстов могли послужить образцом для речей депутатов последующих русских парламентов, так как дореволюционная Государственная

дума фактически заложила традицию парламентского красноречия в России.

В процессе исследования речевых стратегий практически каждый исследователь намечает свою классификацию [3], [4], [5]. При этом во многих работах отсутствуют четкие основания выделения речевых стратегий и тактик, что влечет за собой неполноту и нечеткость их классификации и смешение этих разноуровневых явлений. Для целей нашего исследования наиболее приемлемой представляется классификация речевых стратегий, которая была предложена О.Н. Паршиной [4, с. 18 – 22]. В основу данной классификации положена конечная цель участника политической коммуникации, то есть представление коммуниканта о результате, который должен быть достигнут по отношению к адресату. Коммуникативные цели формулировались на основе классификации Аристотеля. Несмотря на то, что работа О.Н. Паршиной ориентирована на выделение речевых стратегий и тактик в современном российском политическом дискурсе, большинство коммуникативных целей, сформулированных ученым, применимы к политическому дискурсу в России начала XX в.

Рассмотрим особенности реализации речевых стратегий и тактик в отечественной парламентской коммуникации начала XX века на примере речевой стратегии дискредитации. Дискредитация политического противника – неотъемлемая часть политического дискурса в целом и конкретных текстов публичных выступлений. Цель стратегии дискредитации в политическом дискурсе – «подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унизить его, опорочить, очернить в глазах избирателей» [4, с. 84]. Средства речевой дискредитации, которые использует политик, не только характеризуют его как личность (уровень его образования, воспитания, систему ценностей), но и отражают уровень политического и культурного развития общества в данную эпоху. Доминирование в определенные периоды развития общества различных типов речевой политической дискредитации является следствием изменений этического критерия допустимости / недопустимости тех или иных средств дискредитации.

О.Н. Паршина разграничивает две близкие друг другу агональные речевые стратегии – стратегию дискредитации и стратегию нападения, которые в современном политическом дискурсе отличаются ситуацией присутствия / отсутствия оппонента при данном речевом действии и оттенками замысла дискредитации [4, с. 85]. В нашем исследовании мы не проводим такого разграничения и рассматриваем черты собственно дискредитации и нападения как проявления одной речевой стратегии дискредитации. Это связано с тем, что, опираясь исключительно на стенограммы заседаний Думы, сложно достоверно установить, присутствовал ли объект нападения в момент произнесения речи, направленной против него, или нет. Если же исходить только из речевых средств, использовавшихся депутатами с целью дискредитации, то можно сказать, что большая часть речей агональной направленности в I Думе представляла собой именно речевое нападение, то есть имела своей целью не просто опорочить оппонента, но и вывести его из равновесия, задеть его чувства.

В I Государственной думе 1906 г. в подавляющем большинстве случаев объектом дискредитации в речах депутатов являлся Совет министров, а в выступлениях членов правительства – законопроекты депутатов Думы. Случаи дискредитации депутатом депутата были сравнительно редкими. Для I Государственной думы вообще не была характерна личная дискредитация, однако набор речевых тактик, реализующих рассматриваемую речевую стратегию, как и в случае с другими речевыми стратегиями, был различен у разных групп, участвовавших в дискуссии.

В текстах думских выступлений объект дискредитации выражался двумя способами: он мог быть четко назван либо, что встречается гораздо чаще, заменен описательными оборотами и эвфемизмами. Первый способ активнее всех использовали члены правительства, так как в их речах подчеркивалось, что объектом дискредитации являются именно законопроекты, а не Дума, конкретные партии или депутаты. Однако, нападая при помощи законов и статистики на депутатские законопроекты, члены правительства тем самым подвергали дискредитации Думу в целом, постоянно предъявляя ей скрытое обвинение в некомпетентности. То есть в речах членов Совета министров незримо присутствовал второй, опосредованный объект дискредитации, который почти никогда не выходил на поверхность. Что касается депутатов Думы, то они старались заменять наименование объекта дискредитации описательными оборотами, иногда поясняя при этом, что все присутствующие прекрасно понимают, о ком идет речь. Стратегия дискредитации в думской дискуссии чаще всего реализовывалась при помощи следующих речевых тактик.

**1. Речевая тактика развенчания обмана**. Данная тактика редко фиксируется и описывается в исследованиях по современной политической коммуникации, хотя может быть рассмотрена и как особое воплощение тактики обвинения. Между тем, в думской дискуссии начала XX века эта тактика встречается достаточно часто. Данная тактика является сложной и композиционно состоит из нескольких частей: сначала оратор формулирует в своей интерпретации точку зрения политического противника, а затем приводит свои возражения, причем таким образом, чтобы стало ясно, что противник сознательно вводит аудиторию в заблуждение. Для достижения этого эффекта используются специальные обороты («…но нам почему-то не говорят о том, что…», «…но они, видимо, забыли, что…»), отдельные слова-сигналы («позвольте, ведь…»), контекст выступления в целом, оценочные выражения и т.д.

Данная тактика была универсальной, то есть использовалась всеми группами участников думской дискуссии, так как степень ее агрессивности могла варьироваться в зависимости от контекста. Однако, как правило, развенчание обмана имело место в наиболее жестких и эмоциональных выступлениях. Рассматриваемая тактика в более мягком варианте ино-

гда использовалась в полемике между депутатами.

*Львов: Нам указывали на процветание датского крестьянского хозяйства, но забыли при этом упомянуть, что датское крестьянство владеет землей на праве собственности, а не посажено на арендные участки казенной земли, отведенные в мере продовольственной потребности. Там крестьянин – хозяин своей земли и хозяин в стране. У нас, если осуществится проект, земледельческое население будет низведено до уровня общей бедности. Здесь не может подняться сильное, крепкое крестьянство, о котором нам говорили* [1, с. 125].

*Локоть: У нас признают нормальную интенсификацию в сахарных хозяйствах, на которые нам постоянно указывают. Вот, мол, сахарные хозяйства, в них действительно вводятся улучшения, многопольные севообороты и т.д. Но господа, неужели вы не знаете, что наши сахарные хозяйства держатся только на ненормальной дороговизне сахара?.. Поддержка сахарному хозяйству является искусственной. Поддержка эта введена самим государством* [1, с. 130].

Для дискредитации депутатских законопроектов данный речевой ход использовался членами правительства.

*Товарищ министра внутренних дел Гурко: Социалисты имеют в виду предоставить каждому возможно большие средства к существованию и осуществление этого усматривают в создании общего, сложного народного хозяйства, т.е. именно в возможно полном объединении производительных сил страны. Нам из двух преследуемых социалистами целей – равномерного распределения благ земных и возможно большого удовлетворения потребностей каждого – предлагают осуществить только первую цель. Со свойственной нашей славянской расе прямолинейностью останавливаются на простейшем, можно сказать, первобытном способе – равномерном распределении главной категории доходных имуществ – земли, очевидно полагая, что тем самым будет достигнуто и равномерное распределение доходов. Но господа, эти два факта не равнозначущи* [1, с. 154].

В наиболее агрессивном варианте данная речевая тактика использовалась депутатами в полемике с членами правительства. В этом случае почти всегда развенчание обмана строилось на основе бинарных тема-рематических моделей [2, с. 186], что не просто создавало яркий, эмоциональный параллелизм, но и драматизировало все выступление в целом, а сама рассматриваемая тактика переходила в тактику обвинения.

*Герценштейн: Собственные свои опыты вы подтверждаете примерами из сочинений бывшего министра Ермолова, которые будто бы показывают, как разорились крестьяне, когда получили землю. И что же вы привели в пример? Имение Воронцова-Дашкова. Да зачем же его было покупать за 3 ½ миллиона, когда, может быть, его можно было купить много дешевле? (Аплодисменты, браво)…* [1, с. 162].

**2. Речевая тактика обвинения.** Данная речевая тактика использовалась чаще всего в выступлениях депутатов, направленных против членов правительства. Обычно эта тактика имела два варианта: обвинение в классовой заинтересованности при проведении реформ и обвинение в финансовых махинациях. С точки зрения производимого на аудиторию эффекта первый вариант гораздо мягче, так как обвинение носит скорее моральный, чем юридический характер.

*Локоть: Само собой разумеется и понятно для крестьян в особенности, что тем, у кого земли много, лишаться этой земли не представляется никакого удовольствия. С этой точки зрения мы выслушали и выслушаем еще заявления классового характера. По той же самой причине и Совет министров признал, что отчуждение земельной собственности недопустимо. Конечно, в этом положении Совета министров сказалось лишь классовое земледельческое чувство тех, кто у нас составляет Совет министров* [1, с. 129].

Обвинения же в финансовых махинациях изначально были более серьезными и скрыто переводили полемику в юридическую плоскость, реализуя одновременно и речевую стратегию угрозы. Несмотря на голословность этих обвинений, они производили на аудиторию огромный эффект.

*Герценштейн:…Вы до сих пор ничего для подъема крестьянского хозяйства не делали… Не имеете ли вы в виду покупку таких имений, как имение гр. Игнатьевой, когда говорите о плодотворной деятельности Крестьянского банка? Я не знаю, нужны ли крестьянам рыбные ловли, которые были в аренде у Беззубикова, заплачено ли за имение столько, сколько следовало заплатить, или же Крестьянский банк выручал другое учреждение, этого я не знаю. Может быть, нам сообщат эти сведения… Во всяком случае, покупки совершались иногда в тех случаях, когда нужно было кого-нибудь выручить (взрыв аплодисментов). Взяли мы Архангельскую железную дорогу в свои руки тогда, когда это нужно было государству? Нет, ее взяли тогда, когда нужно было кого-то выручать и покрывать. Тогда мы получили Архангельскую железную дорогу и Невский завод – и концы в воду. Сколько государство на этом потеряло, мы не знаем (взрыв аплодисментов)* [1, с. 161].

**3. Речевая тактика издевки над политическим оппонентом** носит условное название и включает в себя целый спектр вариантов: ирония, насмешка, сарказм, ерничество, собственно издевка и т.д. Все эти варианты объединяет то, что они являются наиболее яркими и агрессивными средствами реализации речевой стратегии дискредитации, в основе которых лежит умаление авторитета через публичное осмеяние. Варианты различаются лишь степенью агрессии при осмеянии политического соперника.

Особенностью данной речевой тактики является личностный характер ее использования в I Государственной думе. Стенограммы заседаний отражают неравномерность ее распределения по выступлениям и сложным полемическим целым: для одних ораторов издевка над политическим противником являлась смысловой и структурной основой каждой речи (в каждой речи Герценштейна в среднем можно насчитать до 10 проявлений издевки над членами Пра-

вительства), другие же выступающие вообще не практиковали публичное осмеяние.

В первом случае почти всегда объектом издевки было содержание выступлений членов правительства.

*Герценштейн:…Если бы вы сколько-нибудь внимательно отнеслись к вопросу, вы бы отбросили эту арифметику. Чтобы так разрешить вопрос, как вы это делаете, достаточно иметь познания в четырех правилах арифметики и больше ничего (аплодисменты), а от государственных людей мы можем требовать чего-нибудь большего (аплодисменты)* [1, с. 158].

*Герценштейн:…Здесь взывали к патриотизму, но не знаю, где этот патриотизм, который никак не может до сих пор проявиться? (Смех) Товарищ министра внутренних дел не удовлетворяется арифметикой; он ее нам преподносит с некоторой примесью географии. Он берет площадь земли и в окончательном итоге приходит к следующему выводу: если сделаем черный передел, – удивляюсь, каким языком стали теперь говорить! – если переделим теперь все земли, то на душу в среднем получится около 4 десятин. Стоит ли из-за этого затевать дело? В его речи были замечания, которые, на мой взгляд, извиняюсь, не совсем приличествуют этому высокому месту… Кто имеет больше 4 десятин, то должен дрожать, так как завтра у него этой земли не будет (смех)* [1, с. 161].

Таким образом, речевая стратегия дискредитации в I Государственной думе имела ряд специфических черт. Во-первых, объектами дискредитации зачастую являлись не отдельные личности и даже не политические взгляды противников, а институциональные политические группы. Со стороны депутатов Думы объектом дискредитации чаще всего был Совет министров и его члены, со стороны членов правительства – Дума в целом посредством дискредитации думских законопроектов. Во-вторых, дискредитация реализовалась двумя этими политическими группами по-разному. С той и с другой стороны наиболее частым и типичным для дискредитации противника были уличение соперника во лжи и публичное развенчание обмана. Однако в выступлениях депутатов более активно использовались агрессивные речевые тактики и ходы: обвинения в некомпетентности, махинациях, публичное осмеяние в сочетании с другими речевыми ходами и тактиками.

Литература

1. Государственная Дума. 1906 – 1917. Стенографические отчеты / под ред. В.Д. Карповича. – М., 1995. – Т. 1.
2. *Громыко, С.А.* Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года / С.А. Громыко. – Вологда, 2010.
3. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М., 2002.
4. *Паршина, О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. … д-ра филол. наук / О.Н. Паршина. – Саратов, 2006.
5. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М., 2004.

УДК 811.112.2

***Н.В. Груздева***

## СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСОИДОВ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурные особенности суффиксоидов имен прилагательных, в частности – происхождение, принадлежность к той или иной части речи, частотность, фонологическая и словообразовательная структура.

Словообразование, сложение основ, «переходная зона», суффиксоид, полуаффикс, частотный компонент.

This paper considers the characteristics of semi-suffixes of adjectives, their origin, word class, frequency, phonological and morphemic structure in particular.

Word-building, compounding, «intermediate zone», semi-suffix, semi-affix, frequency component.

Данная статья представляет собой анализ структурных особенностей суффиксоидов прилагательных в современном немецком языке. М.Д. Степанова сформулировала следующее определение полуаффиксов: это «*такие элементы сложных слов, которые характеризуются серийностью употребления, тем самым выполняя функцию словообразовательных средств, при этом не теряя ни звуковой, ни, частично, семантической связи с соответствующими им самостоятельными лексемами*» [8, с. 147]: *ähnlich* 'похожий, сходный, подобный' и *grippe**ähnlich**e Erkrankung* 'заболевание, [по симптомам] похожее на грипп', *fett**ähnlich**e Substanzen* 'вещества, [по своим свойствам] похожие на жир'. Данной проблемой занимались такие ученые, как: М.Д. Степанова, В.М. Павлов, Е.С. Кубрякова, Р.Г. Гатаулин, К.А. Левковская, Б.И. Бартков; В. Флейшер, И. Барц, Х. Вельман, И. Кюнхольд, Э. Доналис, Л. Ортнер, Х.-П. Ортнер, И. Мотч и др.

На основе анализа работ Б.И. Барткова [1], А.П. Буянова [2], Е. А. Крашенинниковой [3], Е.С. Кубряковой [4], [5], [6], М.Д. Степановой [7], К. Аскоп [9], И. Кюнхольд, О. Путцера, Х. Вельмана, В. Флейшера [10], Г.-Д. Шмидта [11]и др. в качестве наибо-